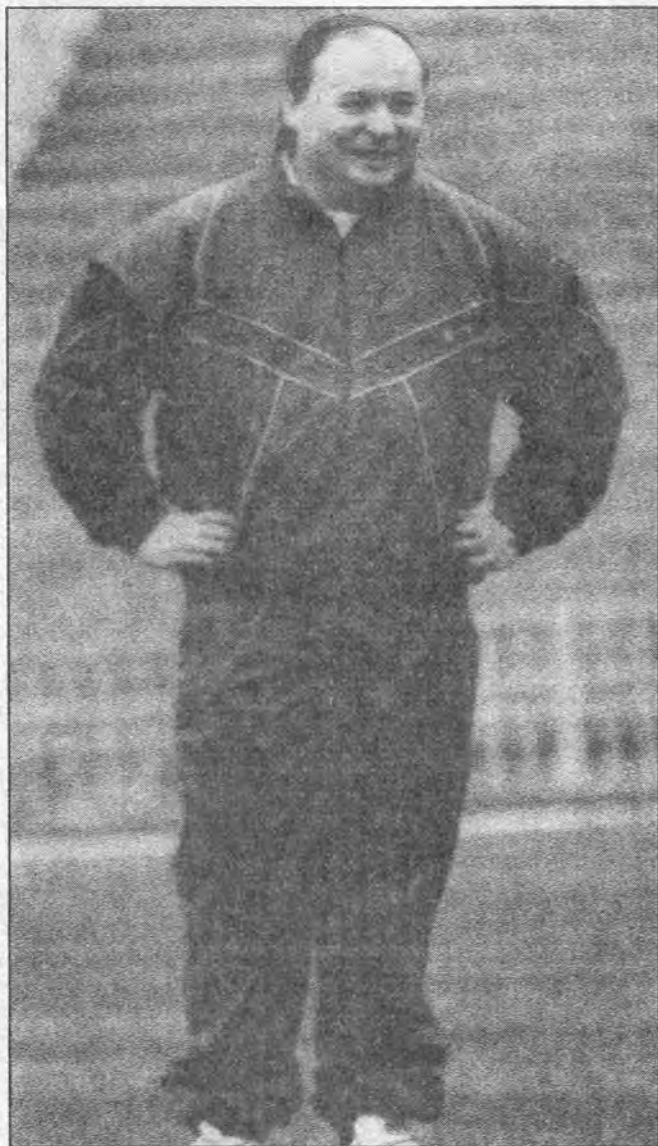

Егор Гайдар:

Как легко можно было бы все решить,

если бы у нас в Верховном Совете было парламентское большинство.
Если бы нынешнее большинство не старалось навредить везде, где
ТОЛЬКО МОЖНО

«Правительство — не единственный игрок на поле политики...»

С Егором Гайдаром беседует Марина Шакина

«Новое время». Сейчас в связи с референдумом все говорят о новом старте. Представим, что мы вновь оказались в осени 1991 года. С вашим нынешним опытом и вашими нынешними знаниями все бы вы делали так же, как тогда, или нет?

Егор Гайдар. Я бы делал примерно то же самое. По моему глубокому убеждению, принципиальные решения в экономике были predetermined набором обстоятельств. Главное из них состояло в том, что к тому времени механизм директивного управления хозяйством полностью вышел из строя.

Вот один из характернейших примеров. Заготовка зерна всегда у нас проходила из-под палки. Как вы думаете, насколько сократились поставки зерна на следующую неделю после августовского путча?

«НВ». Процентом на пятьдесят?

Е.Г. В четыре раза. Заготовки зерна исторически в нашей стране — самый красноречивый показатель состояния экономики. Так было и в 1917, и в 1921, и в 1927 годах. Осенью 1991 года они практически остановились. И так было по всем направлениям.

Вспоминая ту ситуацию и оценивая ее сегодняшними глазами, я прихожу к выводу, что, возможно, принял бы какие-то иные кадровые решения. Но за все время, что прошло с начала реформы, я не услышал ни одного убедительного предложения, как можно было бы действовать принципиально иначе.

«НВ». Новый руководитель правительства, на ваш взгляд, продолжает прежний курс, ваш курс?

Е.Г. Те, кто его выбирал на съезде, ждали от Виктора Черномырдина полной смены экономической политики. Без всякого сомнения, у нового премьер-министра были колебания. Ведь правительство — это орган, который постоянно испытывает на себе все виды давления, лоббирования. Именно в правительстве пересекаются различные интересы, противоположные устремления. Там всегда борьба и противостояние.

Сегодня в правительстве совершенно четко обозначились — не буду называть имена — два крыла. Одно крыло выступает за продолжение реформы, другое хотело бы по меньшей мере ее замедлить. Надо отдать должное новому председателю Совета Министров —

твердого выбора в пользу второго крыла он пока не сделал.

«НВ». Правительству не дают толком работать — один съезд следует за другим. И все же: на ваш взгляд, действия кабинета Черномырдина отвечают требованиям реформы?

Е.Г. Как у всякого человека, который побывал у руля и впоследствии вынужден наблюдать процесс управления со стороны, у меня возникает бесконечное число мелких замечаний: и это надо было сделать не так, и то — по-другому, и здесь неправильно... Но, честно говоря, я предпочитаю держать свои замечания при себе. Такие придирки, по моему, всегда некрасиво смотрятся.

Сюрпризы в премьерском кресле

«НВ». Когда вы по сути дела возглавили правительство и вступили во владение исчерпывающей информацией о состоянии экономики, содержала ли эта информация какие-то сюрпризы, откровения для вас? Было ли то, о чем вы не подозревали, будучи только ученым?

Е.Г. Все сюрпризы носили крайне неприятный характер. Один из них был связан с состоянием валютных резервов. Я знал, что положение напряженное, однако масштабы нашего валютного краха до вступления в должность были для меня не ясны.

В экономической теории считается, что критически минимальный

валютный резерв государства равен стоимости месячного импорта страны. Я надеялся, что у нас есть хотя бы средства на десятидневный импорт. Оказалось, что у нас валюты всего на несколько часов импорта. Государство не только само стало неплатежеспособным, но и вычерпало все резервы российских предприятий, которые хранились во Внешэкономбанке.

Еще один малоприятный сюрприз — состояние стратегических запасов. В конце 1991 года нам пришлось латать дыры в экономике, постоянно залезая в государственный резерв, и его состояние оказалось хуже, чем я ожидал. Правда, к концу 1992 года ситуация начала исправляться.

«НВ». Есть такая точка зрения: у нас в стране существовала мощная экономика, которую пришедшие к власти демократы довели до ручки. Когда вы заняли свой пост, было ли у вас ощущение, что вам доверили могучую экономику?

Е.Г. У меня было то же ощущение, что и у всех. Давайте посмотрим телехронику того времени, прочитаем газеты. Отовсюду сквозило ощущение надвигающейся катастрофы. Это было предчувствие настоящего краха — то есть ситуации, когда в Москве не будет воды, света, остановится транспорт, прекратится подвоз хлеба... Эти настроения отражали представления общества о состоянии экономики, а общество, как правило, сильно не ошибается. Искусственно создать

такое ощущение невозможно. Все мы помним дикую беготню по очередям — хлебным, молочным, возгласы «дают!». Что дают? Мойву дают...

Было ощущение, что экономика катится по заведенному пути, что мы производим вещи, без которых в условиях кризиса, строго говоря, можно обойтись, множим долгострой, наращиваем производство ядерных вооружений. И одновременно — нет хлеба, картошку не подвозят, затухают коксовые батареи. Было ощущение предельной слабости критических звеньев хозяйства — ощущение общее, внепартийное и поэтому в значительной мере реальное.

ВПК — не миф

«НВ». А подлинные размеры военно-промышленного комплекса не стали для вас новостью?

Е.Г. Нет.

«НВ». Не могли бы вы назвать цифры, чтобы и мы тоже смогли себе представить советский ВПК, доставшийся нам в наследство?

Е.Г. К сожалению, это очень трудно сделать. Не потому, что отсутствует информация, а в силу объективных проблем измерения. Чтобы подсчитать объем производства ВПК, надо называть цены. Какие? Затратные цены ни о чем не говорят — оборонка практически бесплатно получала лучшие материалы, свободные деньги, валюту, потребляла ресурсы самого высокого качества.

Можно взять мировые цены и попытаться сравнить: сколько стоит наш уборочный комбайн на мировом рынке и сколько — наш танк, наши ракеты, во сколько вообще обходится содержать такую военную машину. Но тогда мы получаем парадоксальные цифры — выходит, что ВПК один производит больше, чем объем всего нашего валового национального продукта. Это преувеличение, но довольно близкое к истине. Вся советская экономика обслуживала ВПК, существовала для того, чтобы он мог работать.

«НВ». А сколько людей работает на армию?

Е.Г. В российской промышленно-

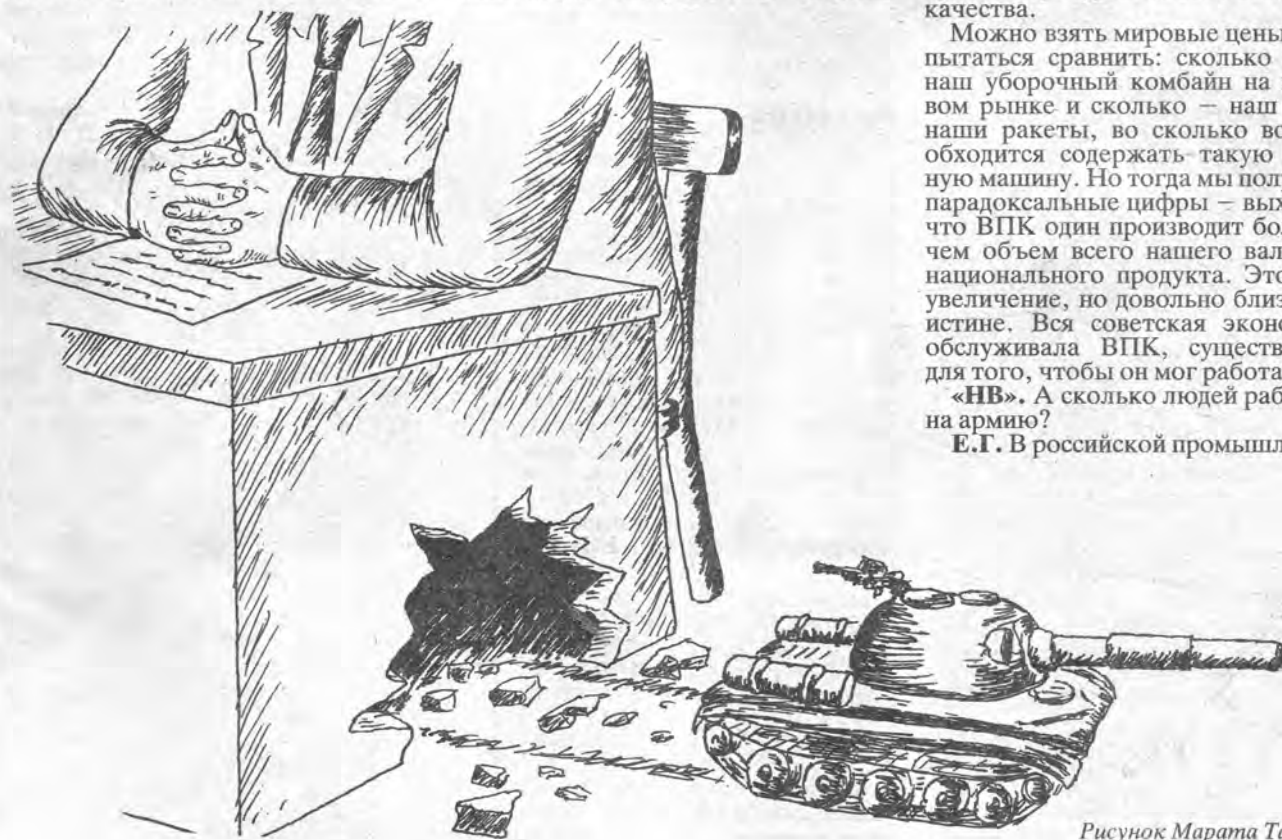

Рисунок Марата Таурова

сти всего занято 23 миллиона человек. Из них семь миллионов — в военно-промышленном комплексе.

«НВ». А скажите, пожалуйста, это не миф — наши достижения в области вооружений, высокая технология, которой оснащены оборонные заводы?

Е.Г. Нет, ВПК, надо сказать, не миф. У нас есть великолепные системы вооружений, даже превышающие мировой уровень. До прихода в правительство я разделял ваш скепсис, так что это открытие тоже стало для меня сюрпризом.

Я бы сказал, что за деньги, которые имеются в нашем распоряжении, такие системы вооружений купить на мировом рынке совершенно невозможно. Страна нашего уровня развития такого позволить себе не может, если она хочет иметь что-то помимо оружия.

«НВ». Вас сильно критиковали за политику в области конверсии. Вы и сейчас готовы подтвердить правильность своих шагов?

Е.Г. Да. Нам удалось дать мощный импульс к демилитаризации нашей экономики.

Конечно, я понимаю людей, которые всегда будут критиковать эту политику, — конверсию так не проводят, надо демонтировать военную промышленность постепенно, каждый год на пять процентов сокращая объем производства. Это правильно... для стабильных процветающих экономик с заполненным товарными рынком. В январе 1992 года попытка медленной конверсии была бы, на мой взгляд, совершенно катастрофичной.

Во-первых, такими темпами мы никогда бы ничего не конверсировали. Во-вторых, не сумели бы задействовать свободные резервы. Сегодня уже ни у кого нет ощущения немедленного коллапса, хотя критика раздается со всех сторон — всё не так, всё плохо. Цельный год мы продержались потому, что удалось использовать свободные ресурсы ВПК. За счет чего же мы весь год жили?

Мы оборонке сократили военный заказ, притормозили, сказали им: ребята, крутитесь сами, ищите рынки. Они люди опытные, ушлые, стали искать рынки и нашли их именно там, где больше всего горело. Прекратила Прибалтика поставку определенного вида комплектующих — тут же находится оборонный завод, который выходит на этот рынок. Не поступает оборудование с Украины — тут же находится другой оборонный завод, который осваивает рынок. Уходят бывшие поставщики стран СЭВ — их место занимает отечественная оборонка.

ВПК годами писал длинные обоснования, почему он абсолютно не приспособлен к тому, чтобы производить, скажем, нефтедобывающее оборудование. После начала ре-

За все время, что прошло с начала реформы, я не услышал ни одного убедительного предложения, как можно было действовать принципиально иначе

формы нефтяники оказались завалены предложениями оборонных заводов.

ВПК уже привык, что не будет больше военного заказа в прежних объемах. Мы сократили оборонку на семьдесят процентов. Теперь главное — не наращивать ее больше. То есть страна вот это уже пережила.

Не верю!

«НВ». У вас есть ощущение, что низшая точка падения пройдена?

Е.Г. Если говорить об объеме производства, то низшая точка была пройдена в августе 1992 года. В сентябре уровень производства слегка повысился и с тех пор не меняется, если не считать небольших колебаний, связанных с сезонными или случайными явлениями. Например, в январе из-за большого количества праздничных дней наблюдалась небольшая «просадка», но в феврале объем производства восстановился. Эта картина типична для посткоммунистических экономик — они проходят низшую точку и затем в течение полутора-двух лет держатся на одной отметке. Затем появляются предпосылки роста.

Еще предельно напряженная ситуация с инфляцией. Есть небольшие признаки замедления ее темпов, правда, они очень ненадежны и могут смениться

противоположными тенденциями. Но просвет и здесь есть — с инфляцией надо постоянно работать, хотя это и очень тяжело.

Я очень боюсь политической нестабильности. В обстановке, когда непонятно, что будет завтра, ни наши, ни зарубежные бизнесмены не станут вкладывать деньги в производство. Если не будут уверены, что завтра у них ничего не отберут, не конфискуют, не поменяют политико-экономический курс на сто во семьдесят градусов.

Короче говоря, для экономического роста нужны стабильная исполнительная власть и стабильный парламент, которые хотят развития экономики на рыночных рельсах, и все кругом понимают, что они этого хотят. А у нас... Слышишь заверения депутата Саенко о том, что, дескать, все за реформы. Слышишь, но не веришь. И ладно, что я не верю. Не верят производители, не верят предприниматели. И не поверят.

И вторая опасность на пути к стабилизации — риск широкой раздачи благ и льгот. Когда в политической жизни происходит такая конфронтация, всегда есть искушение принимать популярные решения. Это понятно. Но очень опасно. Мы сейчас не в том положении, когда можно широкой рукой раздавать «подарки».

«НВ». Когда вы руководили правительством, приходила ли вам в голову мысль: «Как прекрасно я смог бы все сделать, если бы не было этого парламента»?

Е.Г. Приходила постоянно. Почти такая. Я никогда не думал, как хорошо было бы все без парламента — все-таки Россия наконец-то пришла к парламентаризму как одному из элементов демократии, и это надо ценить.

Я думал: «Как элементарно можно было бы все решить, если бы у нас в Верховном Совете было нормальное парламентское большинство!» Если бы нынешнее большинство не старалось навредить везде где только можно.

Правительство — лишь один из игроков

«НВ». Утверждают, что летом прошлого года вы все-таки уступили давлению директорского лобби, парламента и раздали дополнительные кредиты...

Е.Г. Это правда. Правительство — лишь один из игроков на политическом поле и к тому же не обладающий правом вето. Оно имеет возможность лишь уговаривать, убеждать, кричать.

Скажем, как раз летом прошлого года Верховный Совет обсуждал бюджет. Вопреки моим горячим протестам депутаты с голоса внесли поправку в бюджет, увеличив расходную часть на восемь процентов валового национального продукта. После этого любые разговоры о стабилизации были, вообще говоря, беспочвенны.

Было два варианта — либо немедленно подавать в отставку. Либо по-

Сегодня в правительстве обозначились два крыла. Одно — за продолжение реформы, другое — по меньшей мере за ее замедление

пытаться сохранить позиции на тех направлениях, где это возможно. Мы как раз начали массовую приватизацию, бросать ее на произвол судьбы не хотелось, хотя было совершенно ясно, что инфляционный удар, который обрушится на экономику вследствие этого решения парламента, будет страшен.

«НВ». Ваши отношения с депутатами были на виду. А с Ельциным вы находили общий язык?

Е.Г. Я считаю, у нас было взаимопонимание. Но взаимопонимание, опирающееся на разделение ролей. Президент всегда очень внимательно слушал и неплохо воспринимал доводы экономические, но сам при этом во время обсуждения выдвигал аргументы социально-политические. И это естественно. Если бы в экономике не было социально-политических ограничителей, то по схеме много чего можно было бы сделать. Но нельзя не считаться с людьми. Иначе все взорвется.

Госплан желает возродиться

«НВ». Вы более года проработали на грани экономики и политики. Кое-кто прочит вас в лидеры демократического движения. Как вы сами к этому относитесь?

Е.Г. Ой, вы знаете, я настолько не вижу себя лидером какого-либо движения!

Что бы я действительно хотел сделать — так это всячески

способствовать единству и взаимопониманию между политиками, которые выступают за цивилизованный рынок. Я знаю, как демократы слабо приспособлены к совместной работе, да еще в условиях кризиса. Но все, что я могу для этого сделать, я сделаю.

«НВ». А если вас снова позвонят возглавить правительство? Поидете или с вас достаточно того тяжелого опыта, который вы приобрели?

Е.Г. Ну я же не красная девица. Если будет возможность сделать что-то разумное, то, разумеется, поиду.

Это совершенно ужасная работа. Но, знаете, у меня постоянное чувство, что я отвечаю за все, что происходит. Сегодня я уже не имею возможности повлиять на происходящее, но ответственности с меня никто не снимал, потому что мы это начали. Поэтому мы будем стараться делать все, чтобы количество выбоин на дороге стало меньше.

«НВ». Ваши коллеги-ученые, в том числе и ваши непосредственные учителя, не переставали критиковать вас. Вы знакомы с их аргументами, вы видели реальную картину, вы сами пытались что-то сделать. Скажите, есть ли все-таки альтернатива нынешнему пути или нет?

Е.Г. В январе 1992 года никакой альтернативы не было. Сейчас уже есть некоторая свобода маневра и можно спорить. Я сколько угодно готов спорить об альтернативных подходах в приватизации. Но следует понять: если мы хотим поменять модель приватизации, то давайте переводить разговоры в практическое русло, давайте ломать сложившееся нормативное регулирование. Если вы думаете, что мне сильно нравится закон о приватизации, принятый еще до подготовки правительственных документов, то вы заблуждаетесь. Там много, мягко говоря, странностей.

Но мы даже не пытались толком этот закон ломать. Надо было воспользоваться всем, что в нем было хорошего, и запустить процесс. Или приватизации не будет вовсе. А спорить можно несколько лет, у каждого спорщика будут свои аргументы, и аргументы не бессмысленные.

Экономика уже не сможет работать без рынка. Я знаю, что кое-кому предлагали восстановить Госплан. Но его не восстановишь. А рынок не может работать без приватизации — извините, я говорю безумные банальности. Но тем не менее это так. Если рынок не может без приватизации, то ее нельзя останавливать, как бы нам ни хотелось вести теоретические дискуссии о том, какая модель лучше.

Фото Алексея Сазонова и Юрия Штукина

Рисунок Владимира Мочалова